

Хотя Нин Цзючэнь училась на специальности, связанной с компьютерными технологиями, она всё же кое-что понимала и в гидротехнической инженерии. Базовые принципы направления воды в нужное русло ей были известны, и по сравнению с древними людьми у неё имелось немало преимуществ. Ни борьба с наводнениями, ни обустройство беженцев не представляли для неё никакой проблемы.

Однако дерево, что возвышается над лесом, ветер непременно ломает, и оставаться незаметной — вот верный путь к долголетию. Поэтому Нин Цзючэнь не стала напрямую выкладывать готовые решения, а прикинулась несведущим ребенком и через наивные, простые вопросы подтолкнула их к тому, чтобы они сами со всем разобрались.

Теперь же Нин Цзючэнь ломала голову над новой задачей. Надо же было такому случиться — она из сострадания приютила девочку, а та, судя по всему, оказалась второстепенным персонажем романа, второй молодой госпожой из богатой семьи торговцев зерном Хань — Хань Юйи. И с чего бы ей, казалось, не сидеть дома да не наслаждаться жизнью? Мало того что её похитили торговцы людьми и завезли сюда, так её ещё чуть было не продали в музыкальный дом.

На самом деле это не было случайностью. В конце концов, сюжет этого романа развивался вокруг главного героя, представляя собой историю о стремительном взлёте — ну вы понимаете. Основной упор делался на то, как он шаг за шагом превращался из нищего паренька во влиятельного ветерана при трёх императорах, а обо всех остальных упоминалось лишь вскользь, бегло и поверхностно.

Даже о самой героине, в тело которой вселилась Нин Цзючэнь, не было дано подробных описаний — ей пришлось самой понемногу во всём разбираться, что уж говорить о Хань Юйи, второстепенном персонаже, чьей задачей было лишь прокладывать путь для главного героя.

По изначальному замыслу, в этой арке юный Лю Чжишу должен был справиться с наводнением на юге Цзяннани и прогреметь на всю округу, а Хань Юйи, похищенная работоторговцами, как раз попала бы ему на глаза, и он мимоходом спас бы её во время ликвидации последствий потопа. Разве это совпадение не было подстроено ради их будущей встречи? Благодаря тому, что Хань Юйи узнала его, под влиянием Лю Чжишу её благодарность постепенно переросла в любовь.

Мало того что её искренние чувства бессовестно предали, её еще и лишили невинности. Если бы клан Хань не был влиятельным семейством, такую девушку, как Хань Юйи, давно бы выволокли во двор и утопили в свиной клетке.

Если подумать, Лю Чжишу с самого начала положил глаз на её богатую семью. В те времена нравы были довольно консервативными: поскольку они уже сошлись на деле, господин Хань, как бы сильно ни презирал нищету и голь перекатную этого молодого человека, всё же был вынужден скрипя сердце дать согласие на его сватовство.

Желая продемонстрировать всю глубину своих чувств, Лю Чжишу посватался к господину

Ханю, но жениться сразу не стал. Вместо этого он занял у него денег на дорожные расходы и отправился в столицу на императорские экзамена. Он заявлял, что недостойна его любимая такого мужа, клялся стяжать первые места на экзаменах, вернуться на родину в чинах и с пафосом, а потом приехать за Хань Юйи в свадебном паланкине на восьми носильщиках, чтобы все вокруг увидели её триумф.

Господин Хань всё же сомневался: стоило ли отпускать Лю Чжишу в столицу вот так? И дело даже не в том, каких успехов тот добьётся, а в том, что делать, если он просто исчезнет навсегда? Беда в том, что Хань Юйи была ослеплена любовью и верила каждому слову Лю Чжишу. Сейчас она не только выступала против мнения отца, но и без конца умилялась тому, как предан и страстен её избранник. Уступив упорству дочери и принимая во внимание раннюю известность Лю Чжишу, господин Хань в конце концов сдался.

И надо же было такому случиться — отправившись в столицу, Лю Чжишу пропал без вести. Господин Хань рассчитывал, что дочь просто позволила себя одурачить и переспала с проходимцем: пусть она уже и не была чиста, но при богатстве и влиянии их рода подыскать ей мужа не составило бы труда. Откуда ему было знать, что эта глупышка Хань Юйи слепо доверяла Лю Чжишу? После бесчисленных ночей их усердных трудов разве мог ребёнок не зародиться в её чреве?

Приходилось признать: ума и таланта Лю Чжишу было не занимать. Иначе как бы он смог обвести вокруг пальца избалованную дочь богача, заставив её во всём повиноваться этому нищему? Иначе как бы он смог в один миг превратиться в ослепительно успешного чжуаньюаня? Иначе как сумел бы очаровать императора и принцессу, став мужем принцессы — человеком, стоящим выше всех подданных, но ниже самого монарха?

Бедная Хань Юйи ждала-пожидала, но так и не дождалась возвращения Лю Чжишу, а её беременный живот уже едва удавалось скрывать. За кого теперь её было выдавать замуж? Разъяренный господин Хань был готов собственноручно забить дочь до смерти. Не дождавшись любимого, будучи не в силах нормально передвигаться, сталкиваясь с презрением дома и тычками на улице, Хань Юйи в конце концов не выдержала и бросилась в реку.

Берега реки Циньхуай скрыли эту позорную тайну — погибли оба, и мать, и ребёнок. Господин Хань хоть и бесновался, но ничего поделать не мог: простому народу не тягаться с чиновниками. Такой исход был как нельзя более на руку Лю Чжишу: все давние грехи оказались погребены под водой, и теперь его положение мужа принцессы было незыблемым.

Можно сказать, что Нин Цзючэнь тогда невольно спасла жизнь Хань Юйи, хотя в конце концов — тоже совершенно случайно — эту жизнь и разрушила.

Узнав о происхождении Хань Юйи, Нин Цзючэнь всё же прониклась к бедной сопернице по сюжету некоторой жалостью, думая про себя: не поручить ли слугам отправить её домой да припугнуть господина Ханя? Разве не идеальное решение проблемы?

Кто же знал, что эта милая с виду и бойкая девчушка окажется на редкость прилипчивой,

прямо как маленький ластящийся песик, от которого невозможно отделаться. Куда бы ни направлялась Нин Цзючэнь, Хань Юйи повсюду следовала за ней, практически не отходя ни на шаг.

Это напоминало поведение только что родившегося животного, которое привыкло считать матерью первое попавшееся существо и теперь цеплялось за него мёртвой хваткой — яркое проявление комплекса материнства. Нин Цзючэнь понятия не имела, с чего в её голове возникли такие мысли: хотя она была старше второстепенной героини больше чем на десяток лет, не до такой же степени повышать собственный статус!

Как поступить с дальнейшей судьбой Хань Юйи? Возвращаться домой та категорически отказывалась, а отправлять её на тренировки к остальным сиротам было нельзя — судя по её липучести, не притащит ли она её в конце концов с собой во дворец? Оставим в стороне те неприятности и хлопоты, которые супротив всякой логики принесёт с собой ещё один человек в Мусянчжай, но одна лишь внешность этой девчушки... Подрастёт ведь — и беды не миновать, глядишь, ещё кто-нибудь из принцев положит на неё глаз.

Подумав так и эдак, Нин Цзючэнь решила предоставить право выбора самой девушке.

— Ты уверена, что хочешь повсюду ходить за мной? Судя по твоему прошлому, ты привыкла жить в роскоши, а если вернешься со мной во дворец, сможешь служить мне разве что простой служанкой.

Хань Юйи вцепилась в её рукав, моргая парой изящных больших глаз, и жалобно посмотрела на неё:

— Хочу пойти с вами, хочу быть рядом. Даже служанкой согласна! А можно мне не называть вас принцессой или госпожой, как это делают другие слуги?

— Наедине можешь звать меня Цзючэнь.

— Хорошо, тогда пойдём! — Хань Юйи улыбнулась, и от этой улыбки её живые глаза стали невероятно озорными и милыми.

Подумать только, кто-то так радуется перспективе стать служанкой! С таким отношением она наверняка быстро наживёт себе врагов. Сытый голодного не разумеет: заскучала, мол, по жизни богатой барышни, решила попробовать себя в роли прислуги? Ладно, решила про себя Нин Цзючэнь, пусть поживёт во дворце, хлебнет немного издевательств — глядишь, и дурь из головы вылетит. В конце концов, отправить её обратно никогда не поздно, такими полномочиями она обладала.

Поначалу Нин Цзючэнь вовсе не собиралась окружать её особой заботой. Хоть она и не калечила её намеренно, но вполне сознательно хотела, чтобы та испытала трудности, а потому смотрела сквозь пальцы на то, как остальные слуги третируют новичку.

Люди из личных покоев Нин Цзючэнь вели себя еще сносно: они были людьми простыми и добрыми, и раз уж сама хозяйка не отдавала приказов травить девчонку, то и особого отношения к ней никто не выказывал. Зато обитатели других дворцов и павильонов спуска служанке не давали. С какой стати какой-то там подобранной бродяжке служить в Павильоне Мусян, где условия были лучше всего, да ещё ухаживать за всеобщей любимицей — старшей принцессой Нин Цзючэнь?

Толпа завистников и недоброжелателей открыто и исподтишка ставила ей палки в колеса, намеренно измываясь над ней. И как ни крути, а ума у Хань Юйи было лишь чуточку, да и противостоять целому клану неприятелей она не могла. К тому же, не пройдя никакой положенной дворцовой подготовки и ничего толком не зная, она становилась легкой мишенью. То и дело оставаться без обеда или выполнять вдвое больше тяжелой работы — это было ещё цветочки.

И надо же было Нин Цзючэнь натолкнуться на момент, когда Хань Юйи наказали стиркой. Причем стирать ей велели вовсе не одежду госпожи из её павильона — несколько огромных бадей были завалены вещичками дворцовых служанок и евнухов. Стало ясно, что против неё ополчилась целая свора.

В такие лютые холода ей приходилось полоскать всё вручную. Нин Цзючэнь заметила, что пальцы у девушки покраснели и распухли, став похожими на морковки, а кое-где кожа даже слегка потрескалась, и от непрерывных движений на ней выступали капельки крови.

На самом деле Нин Цзючэнь забрела туда намеренно, из любопытства. Она полагала, что после таких издевательств девчонка наконец одумается и запросится домой. В конце концов, та была еще ребенком и привыкла к домашней заботе, и Нин Цзючэнь не верила, что та не чувствует обиды.

— Тебе урезали обед, да еще заставили перестирать столько вещей. Может, хватит упрямиться и пора домой, или ты намерена и дальше терпеть здесь лишения?

В Хань Юйи разыграл ослиный упрямый характер: раз уж решила — ни за что не отступит.

— Мне здесь нравится! С какой стати мне возвращаться? Разве что ты сама не хочешь, чтобы я здесь оставалась, и нарочно меня выживаешь.

Наконец закончив со всеми делами, Хань Юйи вернулась в отведённую ей крошечную каморку, захлопнула дверь, и слёзы ручьями хлынули из её глаз. Как же ей было не обидно? Разве приходилось ей когда-нибудь в жизни заниматься подобным? Глядя на опухшие пальцы, из которых сочилась кровь, она уже не могла сдерживать накопившуюся горечь. Но возвращаться она не собиралась. Ни за что не вернется, хоть помери, но не признает поражения!

Услышав стук в дверь, Хань Юйи торопливо смахнула слёзы рукавом и отворила.

Вошла И Цин, принесла и аккуратно наложила на раны превосходную мазь от ран, а самые тяжелые повреждения обернула чистой маршей. Затем она раскрыла принесенную с собой шкатулку с едой, пояснив, что это угощение приготовили сегодня на кухне и пожаловала сама принцесса — съесть всё в одиночку она всё равно не сможет, а раз знает, что Хань Юйи тоже осталась без обеда, то решила разделить трапезу с ней.

Хань Юйи растрогалась до слёз. Какая же И Цин прекрасная девушка! Они ведь толком и не знакомы, а она так добра к ней. То ли дело та злюка Нин Цзючэнь — ни капли участия, только и думает, как бы выпроводить её вон.

— Госпожа, всё, что вы велели, я исполнила.

— Что я велела?

И Цин тут же поправилась:

— Это была задумка вашей слуги.

— Мм. Сильно ли у неё повреждены руки? Нехорошо, если люди подумают, будто в нашем Павильоне Мусян принято истязать слуг.

Нин Цзючэнь неуклюже пыталась оправдать собственные действия. Руководствуясь золотым правилом: слова госпожи — закон, а очевидного лучше не замечать, И Цин не стала с ней спорить.

— Не слишком сильно. Если в ближайшие дни она не станет мочить руки в воде и вовремя станет менять повязки, всё быстро заживет.

— Вы четверо, приглядывайте за ней исподтишка, помогайте тайком, чтобы другие не слишком усердствовали в издевательствах. И запомните: это была ваша собственная идея, уяснили?

— Слушаемся, госпожа.

— Ступайте.

Нин Цзючэнь и сама толком не понимала, правильно ли поступает. Изначально она хотела из благих побуждений заставить девчонку сдаться и уйти домой, но, видя, как ту травят, не смогла оставаться в стороне, и ей пришлось исподтишка приказать служанкам время от времени проявлять к той заботу.

И Фэн глянула на выражение лица И Цин, в котором смешались недоумение и улыбка, и не удержалась от вопроса:

— Только что от госпожи? Опять заставили возиться с Хань Юйи?

— Угу. Сама посуди: госпожа так за неё переживает, а притворяется равнодушной. Ну просто упрямица нестигаемая!

И Фэн легко шлёпнула И Цин по макушке:

— Совсем тебя госпожа балует, забыла про субординацию? Поосторожнее на язычок.

И Цин улыбнулась:

— Ой, да брось ты! Где еще найдется место безопаснее нашего дворца? Наша госпожа только с виду строгая, а сердце у неё мягкое. Даже если услышит, ничего нам не сделает, максимум пару раз пригрозит для вида.

Кликнуть, исправить опечатки. Уважаемые милашки, если у вас есть замечания — пишите смело, ваши комментарии я обычно читаю.

<http://bllate.org/book/21621/2230357>